

предложенных ими чертежей духовное начальство не отвергло. Решительный пересмотр порядка контроля над строительством церковью произошел лишь в XIX в., по мере изменений в составе и компетенции Олонецкого губернского правления. В нем появилось особое отделение, ведавшее всеми строительными проблемами и квалифицированно оценивавшее проекты возведения приходских храмов.

Наконец, в принципиальнейшем вопросе о роли церковного старосты позиция епископа наиболее симптоматична. Владыка прикладывает значительные усилия для сохранения баланса полномочий между прихожанами и клиром, при этом центральной фигурой при решении имущественных вопросов остается церковный староста, которого выбирают, контролируют и при необходимости отстраняют от дел сами прихожане. Позиция верующих в рассматриваемый период оставалась наиболее существенным фактором церковной жизни. Строительство церковью нередко велось за «мирской счет», после одобрения сходом решения о возведении храма и предполагаемых выплатах духовенству. Консистория, как правило, без проволочек санкционировала возведение храма и «давала» указ о его освящении. Так завершался этап, на котором епископ и Синод могли влиять на отношение прихожан к храму. Но в то же время массовые источники показывают, что церковное благолепие в подавляющем большинстве случаев к началу XIX в. вполне соответствовало нормам, предъявляемым к убранству церковью. Прихожане неустанно заботились о своей церкви. Но это была не активность законопослушных граждан, а усердие хозяев. Многообразие приходской жизни с трудом поддавалось регламентации.

Предмет особого разговора – строительство часовен. С одной стороны, их существование, по большей части бесконтрольное, оставалось неприемлемым для Синода. С другой – часовни являлись альтернативой полному отсутствию влияния христианства в удаленных от приходской церкви деревнях. После долгих сомнений и колебаний часовни были реабилитированы и стали строиться повсеместно по желанию прихожан и с одобрения духовной консистории.

§2. Приходские традиции и законодательство по вопросам формирования клира

Проблеме формирования клира уделено заметное внимание как в дореволюционной, так и в советской историографии. Наибольший интерес к этой проблеме проявил П.В. Знаменский²⁷⁹, который утвер-

²⁷⁹ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань, 1873. С. 6, 51, 82 и др.

ждал, что в XVIII в. право прихожан избирать духовенство ограничилось и законодательными нововведениями, и приходскими традициями (наследованием, передачей в приданое и продажей священно- и церковнослужительских мест). В целом анализируя ситуацию в этой сфере, автор пришел к выводу о том, что за прихожанами оставались незначительные, постепенно сокращающиеся права. Логическим итогом процесса стала полная отмена выборов духовенства. Клирики, следовательно, все более превращались в «чиновников ведомства православного вероисповедания», для которых решающим фактором стало слово начальства, а не воля крестьянского «мира».

Изучение процесса ограничения прав прихожан заслонило иную сторону вопроса. Вне поля зрения исследователей остались подробности приходской жизни, связанные с подбором и изгнанием священников: состав и эволюция выборных документов, компетенция приходских и «мирских» должностных лиц в вопросах формирования клира, конфликты между прихожанами, епископом и Синодом, неизбежно возникающие при подборе духовенства. Причина такой односторонности та же, что и при исследовании строительства храмов. Основное внимание в исторических трудах уделялось духовенству. К значительно более масштабной проблеме прихода историки обращались лишь в той мере, в какой это было необходимо для решения основной, с их точки зрения, задачи. В недавнее время существующие пробелы начали заполняться, в частности, благодаря трудам Н.Д. Зольниковой²⁸⁰, основанным на сибирских материалах XVIII в. Проанализированы формуляр «выборов», распределение ролей между церковным и сельским старостами при подборе духовенства, раскрыто значение приходских выборных документов в ставленническом делопроизводстве. Итак, процесс формирования клира подразделяется на выбор священно- и церковнослужителей прихожанами, утверждение кандидатур епископом. Эти проблемы исследованы в разной степени. Они никогда не изучались в совокупности. Обратимся к ним.

Принципы подбора церковников. В XVIII в. приходская традиция выборов духовенства подкреплялась авторитетным словом Духовного регламента. Петровское законодательство оставляло за прихожанами широкие права в подборе кандидатов на священно- и церковнослужительские должности. Именно прихожане в соответствии с законом должны были определить, что претендент на место в составе клира «человек жития доброго и неподозрительного, а именно: не пьяница, в домостроении

²⁸⁰ Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 57.

своем не ленивый, не клеветник, не сварливый, не любодеец, не бийца (*т.е. тот, кто бьет, склонный к дракам.* — М.П.), в воровстве и обмане не обличенный»²⁸¹. Анализируя Духовный регламент, А.А. Папков приходит к выводу о том, что «в царствование Петра Великого <...> прихожане, имея своего представителя в лице церковного старосты, продолжали пользоваться древним правом избрания своих священно- и церковнослужителей»²⁸². Более позднее церковное законодательство содержит аналогичные требования к кандидатам на священнические должности. В «священном чине» не могли находиться «предающиеся пьянству», «обличенные в блуде», убийцы, «даже невольные», и вообще все, «запятнавшие себя тяжкими грехопадениями»²⁸³.

Новые черты в процессе формирования клира связаны с законодательной регламентацией. На протяжении всего изучаемого периода постепенно повышались требования к подготовке духовенства. Первым этапом на этом пути стал Духовный регламент, который предоставлял преимущества при распределении церковных должностей тем кандидатам, которые имели дипломы учебных заведений (семинарий). Позднее проблема образовательного ценза была разработана в законодательстве более подробно. К середине столетия прекратился приток в духовенство выходцев из податных сословий. Согласно решению конференции Сената и Синода, состоявшейся 23 декабря 1754 г., в сословии оставалось штатное духовенство с детьми. Выходцы из податных сословий из духовного сословия изгонялись, за исключением священников и дьяконов с детьми, родившимися до получения отцами этих чинов²⁸⁴. Прихожане лишались права самостоятельно определять необходимое число церковников в приходе: вводились штаты.

Синодальное постановление 1722 г. в качестве прихода рассматривало единицу в 100–150 дворов²⁸⁵. Обратившись к проблеме церковных штатов, правительство Екатерины II потребовало от Синода заново разделить епархии на приходы, «с тем, чтобы на каждый приход приходилось более или менее одинаковое количество прихожан»²⁸⁶. По новым штатам 1778 г. предполагалось, что приход в 100–200 дворов будет окормливать один священник. Заметно уменьшалось и количество

²⁸¹ Духовный регламент. М., 1897. С. 95.

²⁸² Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв.), с. 13.

²⁸³ Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 33.

²⁸⁴ ПСПиР. СПб., 1897. Т. 4. № 1401.

²⁸⁵ ОДДС. СПб., 1879. Т. 2. Ч. 2. № 756.

²⁸⁶ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. С. 216.

причетников²⁸⁷. На практике подсчет дворов велся по ревизским сказкам исходя из незамысловатого принципа: «четверо прихожан — один двор». Так, в указе Олонецкой духовной консистории содержались такие слова: «а по справке в консистории оказалось, что в оном Верховском приходе при нынешней пятой ревизии ревизских душ показано 639, что составит, считая по четыре души, 159 дворов»²⁸⁸. В XIX в. порядок учета прихожан изменился: в приходах с числом духовенства менее 700 человек полагалось «быть священнику и псаломщику», а если в приходе имелось более 700 душ, в составе причта мог находиться дьякон²⁸⁹. Эти меры в различной степени влияли на приходское самоуправление. Невозможно игнорировать отмену перехода в церковники из иных сословий или прекращение действия той части Духовного регламента, которая давала право прихожанам избирать священно- и церковнослужителей. Прочие запреты нередко нарушались. Имеющийся в моем распоряжении материал позволяет рассмотреть все формы ограничения выборного начала в приходской жизни.

Введение образовательного ценза при заполнении вакансий при церквях как фактор, в XVIII в. существенно ограничивший права прихожан, наиболее развернуто представлен А.В. Карташевым: «школа побеждала старый порядок. Раз школьным меркам подчинялись сами наследственные искатели мест, то само собой понятно, становились тенью прошлого и продолжавшие еще фигурировать так называемые “заручные челобитья”, т.е. прошения с подписями, сопровождавшие личные прошения квалифицированных школой искателей мест»²⁹⁰. Эти выводы применимы не к каждой епархии. В Олонецкой, например, критерий образованности при подборе клира не мог быть введен в действие по той простой причине, что значительной прослойки подготовленных священно- и церковнослужителей здесь в течение XVIII—начала XIX в. так и не возникло. Наиболее ранние сведения об обучении детей духовенства содержатся в «Ведомости Новгородского архиерейского дома о школах и бывших в 1740 г. учениках»²⁹¹. По данным «Ведомости», в Новгороде обучалось 13 учеников — выходцев из Олонецкого уезда. Новгородские наставники олонечких поповичей столкнулись с немалыми трудностями. Как видно

²⁸⁷ ПСЗ, Т. 20, № 14 807.

²⁸⁸ АСПБИИ, ф. 3, оп. 1, картон 32, д. 1, л. 5.

²⁸⁹ *Ивановский Я.* Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 110.

²⁹⁰ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 512.

²⁹¹ ОДДС. СПб., 1908. Т. 20. № 596.

из указа Новгородской духовной консистории, в 1751 г. в Александро-Свирский монастырь из семинарии был отправлен «поповский сын» Михаил Калинин, который «к учению явился крайне неспособен, понеже не токмо латинского языка учиться, но и по-русски читать весьма мало может»²⁹². Список подобного рода ситуаций можно продолжить²⁹³. Во всех случаях консистория требовала обучить бывших семинаристов «русской грамоте, також церковного круга читать, и писать, и петь» в Александро-Свирском монастыре. После этого согласно указу следовало «представить их в реченную консисторию при доношении». Такая ситуация вовсе не была уникальной: латинское обучение, практиковавшееся в ряде семинарий России, повсюду вызывало «скуку и скорбь»²⁹⁴.

После образования в 1764 г. Олонецкого викариатства возник вопрос об открытии семинарии при Александро-Свирском монастыре — резиденции епископа Олонецкого и Каргопольского²⁹⁵. В 1779 г. на эти цели были выделены казенные средства²⁹⁶. К 1781 г. семинария была оснащена всем необходимым²⁹⁷. Но набор учеников сильно затруднялся. При отсутствии конкуренции со стороны обладателей школьных дипломов дети священно- и церковнослужителей вовсе не стремились пройти курс наук, предпочитая по-прежнему обучаться «при отцах своих». Сами отцы тоже не желали расставаться с сыновьями-работниками. Пришлось пойти на крайние меры. В 1781 г. Олонецкая духовная консистория разослала поповским старостам «понудительные указы», в которых предписывалось немедленно «учинить высылку» всем потенциальным семинаристам. Каждый мальчик — сын священно- или церковнослужителя — от 9 до 14 лет, «невзирая на рабочую пору», должен был явиться в семинарию. Далее в указе говорилось: «за их ослушание отцов <...> обязать наистрожайшими подписками, чтоб по прошествии трех дней непременно отец сына вел»²⁹⁸. В 1784 г. се-

²⁹² АСПБИИ, ф. 3, оп. 1, картон 22, д. 2, л. 19 (Указы консистории).

²⁹³ Там же, л. 5, 8, 13 (Аналогичные указы консистории).

²⁹⁴ *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии, с. 32.

²⁹⁵ РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 15, л. 5. (Указ Святейшего правительствующего синода).

²⁹⁶ Именной указ, данный Коллегии экономии, «Об отпуске на заведение и содержание семинарий в епархиях Славянской и Олонецкой на каждую по 2000 рублей ежегодно» // ПСЗ-1. Т. 20. № 14 921.

²⁹⁷ *Ивановский Я.* Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь: краткая история монастыря с приложением важнейших документов. СПб., 1882. С. 63.

²⁹⁸ ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 1, л. 184.

минария по невыясненным причинам сгорела дотла²⁹⁹. Вскоре, в 1789 г., Олонецкая епархия была соединена с Архангельской, в которой имела своя семинария³⁰⁰. Выявленный Ю.Н. Кожевниковой архивный материал по Олонецкой епархии свидетельствует о том, что в начале XIX в. в местных штатных монастырях и пустынях грамоте и церковному пению в течение года обучались дети священно- и церковнослужителей из окрестных приходов³⁰¹. Так, в 1809 г. в Александро-Свирском монастыре открылось «приходское и уездное училище», существующее за счет казенных средств. В 1870 г. эта школа по синодальному указу объединилась с Петрозаводским духовным училищем³⁰².

Представление об уровне образования олонецкого духовенства в конце XVIII в. дает клировая ведомость³⁰³, составленная в 1811 г., но содержащая сведения о подготовке духовенства в последнее десятилетие XVIII в. Рукоположенные в этот период церковники продолжали служить, и сведения о них, естественно, вносились в ведомость. По данным этого источника, лишь 4 церковника из 168, о которых сохранились сведения, учились в Новгородской или Архангельской семинариях. Сказанное не означает, что духовенство в XVIII в. оставалось совсем без образования. Кандидаты на должности в составе клира проходили подготовку при резиденции епископа, но основной курс наук они одолевали дома. Источники сохранили отрывочные сведения по данному вопросу. Так, дьячков сын Иван Ерофеев в 1788 г. представил в Синод прошение, в котором заявлял, что прихожане Ильинской церкви Салменижской волости выбрали его на место престарелого отца. «По резолюции Преосвященного» дьячок был «призван к слушанию» и оказался «в книжном чтении исправным». «По незнанию ж нотного пения обучен оному в Свирском монастыре»³⁰⁴.

Отметим, что в XVIII в. подготовку проходили те священно- и церковнослужители, которые имели «выбор» от прихожан. Следовательно, наличие у будущего церковника «выбора» оставалось таким фактором, перед

²⁹⁹ *Ивановский Я.* Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь, с. 65.

³⁰⁰ Синодальный указ «О соединении Олонецкой епархии с Архангельской» // ПСПиР. Пг., 1915. Т. 2. № 1328.

³⁰¹ *Кожевникова Ю.Н.* Просветительская деятельность монастырей Олонецкой епархии во второй половине XVIII—начале XX в. // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 217.

³⁰² НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 50/91, л. 2, об.

³⁰³ Там же, ф. 126, оп. 1, д. 1/3, л. 1–64, об.

³⁰⁴ РГИА, ф. 796, оп. 52, д. 256, л. 33.

которым образованность отступала на второй план. Впрочем, в некоторых случаях прихожане сами решительно отвергали тех кандидатов на должности в составе клира, которые не обладали необходимыми для богослужения навыками. Так, крестьяне Кижского прихода в 1795 г. «выбрали во священника по благоповедению» дьячка Петра Иванова». Но оказалось, что вместо него «стремится желанием поместиться» пономарь Яндомозерского прихода Илья Петров. Его кандидатуру крестьяне, как видно из прошения в адрес епископа, требовали отклонить, «поскольку он, Петров, по незрелому изучению в грамоте худо читать умеет, а петь и вовсе не знает, почему и не может быть в управлении крылоса надежным»³⁰⁵.

Открытые в июле 1929 г. Олонецкой духовной семинарии могло существенным образом изменить ситуацию в сфере подготовки духовенства. В семинарии изучали 28 дисциплин, в том числе карельский язык³⁰⁶. Судя по характеру и объему программы Олонецкая духовная семинария «уже в первое 50-летие существования давала своим слушателям не только богословское, но и весьма разностороннее светское образование»³⁰⁷. В 1855 г. в семинарии открылось миссионерское отделение, в котором изучали «раскольническую библиографию, историю раскола и обличение заблуждений его»³⁰⁸. За 1829–1879 гг. Олонецкую духовную семинарию окончили 764 воспитанника. При этом «многие выпускники стремились поступить в светские учебные заведения или избрали светскую карьеру»³⁰⁹. Приблизительные цифры, опубликованные современником событий, красноречиво говорят о главной проблеме в деятельности семинарии: «из 700 воспитанников лиц, принявших духовный сан, насчитывается до 400»³¹⁰.

Итак, при недостатке церковников, прошедших подготовку в духовных учебных заведениях, обладатели дипломов в XVIII, а отчасти и

³⁰⁵ НА РК, ф. 126, оп. 2, д. 1/6, л. 2.

³⁰⁶ Пулькин М.В. Карельский язык в Олонецкой духовной семинарии // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 130–137.

³⁰⁷ Пашков А.М. Олонецкая духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 40.

³⁰⁸ Любецкий Д. Историческая записка об Олонецкой духовной семинарии за минувшее 50-летие (1829–1879) // Пятидесятилетний юбилей Олонецкой духовной семинарии. Петрозаводск, 1879. С. 31.

³⁰⁹ Пашков А.М. Олонецкая духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии, с. 40.

³¹⁰ Любецкий Д. Историческая записка об Олонецкой духовной семинарии за минувшее 50-летие, с. 40.

в XIX в. не могли составить серьезную конкуренцию тем, кто не имел никакого образования, кроме домашнего. Это общероссийская тенденция. В 1912 г. обер-прокурор Синода обобщал наблюдения архиереев следующей фразой: «По степени образования епархиальное духовенство представляет из себя довольно разнородную массу от лиц с высшим образованием до лиц малообразованных»³¹¹. В Олонецкой епархии положение оказалось аналогичным. Следовательно, у детей священно- и церковнослужителей, повторюсь, отсутствовала необходимость отправляться за знаниями в далекий Новгород, Петрозаводск или Архангельск, где их зачастую ожидала голодная, полная лишений жизнь. Место в составе клира они и так, благодаря «отцам своим», могли получить. Это стало общероссийской проблемой. Судя по отчету обер-прокурора Синода за 1911–1912 гг. «очень многие преосвященные отмечают в своих отчетах трудность замещения освобождающихся вакансий богословски образованными пастырями»³¹².

Однако административное ограничение прав прихожан не всегда обуславливалось требованиями к образованности духовенства. Наступление на крестьянские прерогативы могло, например, базироваться на личных симпатиях владыки. Свою роль могло сыграть аристократическое пренебрежение архиерея к «мужикам». На первый взгляд любой российский епископ в XVIII в. мог последовать примеру своего современника, митрополита Московского Платона, который настоятельно рекомендовал крестьянам «орать да пахать» и не вмешиваться в деликатные вопросы церковного управления³¹³. Правовая база для такого поведения имелась. Духовный регламент предоставил епископу не меньшие, чем прихожанам, права в подборе кандидатов на священно- и церковнослужительские должности. Рукоположению предшествовал экзамен. На основании результатов, иногда вопреки воле прихожан, решалась судьба будущего церковника. Это создавало для архиереев возможность произвола по отношению к кандидатам на должности в составе клира. Оценивая ситуацию, Н.Д. Зольникова пишет: «Массовый архивный материал показывает, как мало сибирские архиереи и сами искатели духовных чинов во второй половине XVIII в. обращали внимание на мнение конфессиональной общины»³¹⁴. В пользу такого утверждения свидетельствуют указы

³¹¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913. С. 161.

³¹² Там же. С. 162.

³¹³ *Никольский Н.М.* История русской церкви, с. 212.

³¹⁴ *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII в., с. 151.

Новгородской духовной консистории, которая в 1755 г. распорядилась «в городе Олонце и в Олонецком уезде все святые церкви священно- и церковнослужителями надлежащим числом удовлетворять всеконечно»³¹⁵. В 1781 г. аналогичное распоряжение поступило в адрес олонецкого епископа из Синода. Архиерей должен был «о определении к праздным церквам священно- и церковнослужителей приложить неотменное старание»³¹⁶. Указы явно толкали епископа на решительные меры. Упоминания об учете мнения прихожан в этих документах отсутствовали.

Но в то же время Синод, поддерживая прихожан в споре с епископом, распорядился в 1782 г., как видно из указа, «предписать об учинении о сем в епархии своей строгого предупреждения, дабы впредь приказов ни от кого никуда посылаемо не было, и выбор священно- и церковнослужителей оставляем был всегда на произвольное и непринужденное избрание»³¹⁷. Руководствоваться такими противоречивыми предписаниями непросто. Положение епархиального архиерея вследствие этого становилось двойственным. С одной стороны, духовные власти стремились опереться на приходские традиции – в тех случаях, когда крестьяне проявляли заинтересованность в скорейшем начале богослужения и сами энергично занимались подбором духовенства. С другой – архиерей прибегал к административным мерам, которые шли вразрез с Духовным регламентом, но позволяли быстрее заполнить вакансии при церквах.

Ряд дел позволяют утверждать, что выбор духовенства оставался на протяжении всего XVIII в. привилегией прихожан. Местные архиереи признавали за «мирскими людьми» такие права и довольно часто апеллировали к ним. Так, определяя «за дальностию и в весеннее время распутую» «входящего священника» в Каргинскую выставку Винницкого погоста к церкви великомученика Георгия, епископ в 1777 г. «резолуцией» требовал «прихожанам объявить, чтоб старались достойного себе из действительных церковников избрать во священника и их преосвященству прислать для утверждения»³¹⁸. Другому претенденту на священническую должность епископ в аналогичном документе приказал «по взятии от приходских людей заручного (*т.е. заверенного подписями.* – М.П.) выбора явиться для производства во второго священника»³¹⁹. Наконец, в

³¹⁵ РГИА, ф. 796, оп. 36, д. 206, л. 14.

³¹⁶ Там же, оп. 62, д. 15, л. 5.

³¹⁷ Там же, д. 109, л. 6.

³¹⁸ Там же, оп. 59, д. 161, л. 5

³¹⁹ ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 1, л. 507.

1795 г., незадолго до отмены выборов духовенства, епископ Олонецкий и Архангельский Вениамин «указом ответствовал» на просьбы претендента на должность в составе клира: «без данного от приходского священника с причетником и с прихожанами выбора перевести невозможно»³²⁰.

Логическим следствием права избрания стала возможность «перемены» духовенства. Здесь можно опереться на ряд дел. Так, судя по «всепокорнейшему прошению» крестьян из Видлицкого прихода, адресованному Святейшему правительствующему синоду, в 1766 г. умер старый священник Афанасий Федотов. «Мирские требы» исполнял «по найму» его сын — дьячок Петр Афанасьев. Эта оговорка в прошении является еще одним примером исполнения священнических обязанностей человеком, который заведомо не мог получить «ставленную грамоту» в консистории, но зато был угоден прихожанам. Место, как видно из дальнейшего, считалось вакантным. В 1779 г. по достижении «правильных лет» прихожане избрали Петра «во священника». В «выборе» они указывали, что просят за Афанасьева, «яко наш корельский язык довольно знающего, и в чтении, и в пении достаточного, и поведения, как нам известно, хорошего, и настоящих лет достигшего». Первая попытка оказалась тщетной: Петр Афанасьев «неведомо для чего не произведен». Вместо него в приходе появился священник Григорий Матфеев. Одновременно поповский староста прислал крестьянам «приказ» в обязательном порядке составить «одобрение» для епископского ставленника.

Прихожане, ссылаясь на «честное во всем обхождение и наследство» Петра Афанасьева, просили Синод перевести Матфеева к «другой каковой церкви». Примечательна аргументация прихожан: они полагают, что Синод поддерживает приходскую традицию наследования мест и решит дело в пользу того претендента, которому место досталось от отца. Допускали крестьяне и альтернативный вариант. Они просили Синод в крайнем случае назначить Афанасьева вторым священником, «дабы он с семейством своим наследного его дома, пашенной и сенокосной земли лишен не был». Прихожане заявляли, что готовы «довольствоваться» обоим священникам «пропитанием и прочим содержанием»³²¹. Синод, как видно из указа, передал дело на рассмотрение епископа. Архиерей оставил своего ставленника в приходе. По распоряжению владыки в приходе вновь появился поповский староста, которому епископ поручил, как указывали позднее в прошении крестьяне, «спросить нас всех приходских людей, кто

³²⁰ Там же, д. 153, л. 95, об.

³²¹ РГИА, ф. 796, оп. 60, д. 203, л. 1–2.

имянно у произведенного священника Матфеева в приходе и кто священником дьячку и в его приходе быть желает». Прихожане единогласно высказывались в пользу Афанасьева. Между тем Матфеев начал «исполнять должность». Вскоре он поведал прихожанам о причинах особого благоволения к нему епископа Олонецкого и Каргопольского. Оказалось, что при владыке служит казначеем дядя Матфеева — иеромонах Евфимий. Прихожане и сами замечали (и указывали в прошении, адресованном Синоду), «что подлинно от Его Преосвященства по многим нашим прошениям никогда не могли на него, священника, суда и удовольствия получить»³²².

Матфеев чувствовал безнаказанность: не являлся исповедовать тяжело больных, не пошел в дом к крестьянину Федорову «для очищения дому и родилницы жены ево молитвою, нареkania имени новорожденному их сыну». Вместо этого священник «дал молитву ему, крестьянину, в шапку и нарек имя Савву». Убедившись в том, что все обращения к епископу бесполезны, прихожане перешли к решительным действиям. Первый этап традиционен: крестьяне отобрали у священника землю. Несложные аргументы, обосновывающие столь радикальный шаг, изложены в прошении: священник Матфеев владеет крестьянскими землями «напрасно», т.е. не имея «дозволения» от самих владельцев. Впредь этого не будет, «ибо земля и сенные покосы по дачам и писцовым книгам состоит крестьянская, за нами, а не за церковью, которая от нас священникам бывшим с причетниками для хлебопашества на время до требования нашего дана была». Одновременно крестьяне заявляли о готовности предоставить землю и сенные покосы выбранному ими «по общему всех согласию» дьячку Афанасьеву. Для того чтобы окончательно урегулировать конфликт, в Синод отправился приходской поверенный, которому помимо «верующего письма» было вручено огромное, состоящее из 12 пунктов, прошение крестьян. В нем прихожане перечисляли все злодеяния Матфеева, а также беды Афанасьева и свои собственные страдания³²³. Ответный указ Синода состоял из трех пунктов. Во-первых, Синод требовал «для прекращения происходящих между священником и прихожанами беспокойств», «подтвердить указом» епископу Олонецкому и Каргопольскому, что к Георгиевской церкви необходимо «произвести» дьячка Афанасьева, а «произведенного без желания прихожан» Матфеева Синод требовал «немедленно от церкви отреша», перевести на другое место. Во-вторых, Синод распорядил-

³²² РГИА, ф. 796, оп. 60, д. 203, л. 15.

³²³ Там же, л. 13–17.

ся «через нарочнопосланных исследовать» все злоупотребления священника Матфеева. В-третьих, Синод напоминал о резолюции синодального члена архиепископа Новгородского и Великолуцкого Гавриила, который в ответ на прошение крестьян распорядился отстранить Матфеева и рукоположить Афанасьева. При этом Синод выражал крайнее неудовольствие тем, что епископ не только «должного исполнения не учинил, но ничего на то не ответствовал»³²⁴.

Дальнейшее развитие событий показывает, что похвальба Матфеева перед крестьянами имела серьезные основания. Даже грозные требования, звучащие со всех уровней церковной власти, не могли заставить епископа отказаться от поддержки Матфеева. Через три месяца Синод издал новый указ, в котором содержались ссылки на прежние распоряжения и требование «произвести во священника» Афанасьева, не дожидаясь окончания следствия «непременно без всякого продолжения и отлагательства, дабы прихожане ни малейшей нужды и в требах остановки претерпевать не могли». Через три месяца Синод был вынужден в третий раз повторить свой указ³²⁵. В январе 1780 г. в Синод пришел сам дьячок Афанасьев. Он жаловался на «волокиду», которую претерпел в Олонецкой духовной консистории, а из представленного им прошения явствует, что дьячок неоднократно являлся к епископу и «просил на оное место о произведении, но точию никакого рассмотрения не получил». Более того, епископ велел «не пущать» к себе Афанасьева. Дьячок «вспокорно и слезно» просил Синод послать к епископу еще один указ о «произведении» его к той же церкви, «а другого производить воспретить»³²⁶. Синод внял просьбам дьячка, ранее подкрепленным неоднократными обращениями прихожан в разные инстанции. В декабре 1781 г. в адрес епископа был направлен новый, еще более грозный указ, требующий, во-первых, объяснить, почему Афанасьев, невзирая на предшествующие указы, «через столь долгое время произведен не был». Во-вторых, Синод требовал «безо всякого замедления произвести» дьячка, а Матфеева отправить «к другой церкви»³²⁷. В ответ Синод получил рапорт епископа. «Показанный проситель», утверждал епископ, «не произведен» в связи со следствием и по причине болезни самого владыки.

³²⁴ Там же, л. 26, об.

³²⁵ Там же, л. 35–37.

³²⁶ Там же, л. 43.

³²⁷ Там же, л. 47.

В результате епископ так и не подчинился требованиям Синода. Как видно из рапорта Новгородской духовной консистории, Афанасьев «произведен во священника» архиепископом Гавриилом в Новгородском Иерусалимском соборе³²⁸.

Иногда в решение споров о праве прихожан по собственному усмотрению избирать церковников вмешивалась канцелярия Олонекских Петровских заводов. Но и ей идея выборности духовенства не была чужда. Об этом свидетельствует дело, рассмотренное в 1770 г. В этом году сямозерский священник Филипп Трофимов по распоряжению духовной консистории отправился в Задне-Никифоровскую пустынь, а на его место по просьбе прихожан церковное начальство прислало священника Петра Сидорова. Прибыв на место, новый пастырь «по обыкновению данную ему от его преосвященства грамоту приходским людям с прочетом объявил». Прихожане «без всякого прекословия» допустили его «ко исправлению священнодействия». В ближайшее воскресенье новоиспеченный священник отслужил литургию и начал «молебное пение». Но вдруг ситуация начала развиваться неожиданным образом. Местный староста с несколькими прихожанами, «учиня немалый крик», заявили священнику: если «ты порядочно ис церкви Божией не выйдешь и впредь находиться будешь в службе, то мы тебя камнями побьем до смерти». После этого скандала священника перестали пускать в церковь, «в священнодействии учинили остановку» и «ко исправлению надлежащих христианских треб более не допустили». В дело вмешалась заводская канцелярия, в подчинении которой в этот период находилась Сямозерская волость. Заводское начальство, расследовав причины конфликта, выяснило, что причиной негодования стало желание сельского старосты видеть в Успенской церкви родственников прежних священников, а не пришлого иерея. Большинство крестьян решительно высказывалось в пользу нового пастыря. Эта группа верующих составила документ («выбор»), подтверждающий факт избрания священника. В итоге заводская канцелярия распорядилась оставить при церкви избранного крестьянами Петра Сидорова, а зачинщиков ссоры подвергнуть «немалому истязанию»³²⁹.

Отдельные значимые примеры подтверждают сохранение права избрания духовенства, но есть и статистический материал. Мною изучено 27 дел о рукоположении белого духовенства Олонекской епархии

³²⁸ РГИА, ф. 769, оп. 60, д. 203, л. 51.

³²⁹ НА РК, ф. 445, оп. 1, д. 251, л. 69–70.

в XVIII в.³³⁰. Значительная часть из них, 13 дел, содержит указания на несогласие епископа утвердить представленную крестьянами кандидатуру на должность в составе клира. Такое соотношение отказов и положительных решений ставленнических дел объясняется не только позицией епископа, но и плохой сохранностью документов Олонецкой духовной консистории. Нехватка документов восполнена за счет фонда канцелярии Синода (РГИА, ф. 796). Но в Синод обращались те неудавшиеся священно- и церковнослужители, которых по разным причинам отказался рукоположить епископ. Таким образом, из огромного количества дел ставленнического делопроизводства исследователю имеет возможность воспользоваться только теми, которые являются своего рода исключением. Синод несколько скорректировал ситуацию, пересмотрев в пользу прихожан 4 дела.

В числе причин отказа представленным крестьянами кандидатам — невозможность полноценного обеспечения клира. В 1779 г., как видно из указа консистории, епископ Олонецкий и Каргопольский Иоанний отказался «произвести во священника» дьякона Федула Михайлова. Поводом послужило малоземелье. Прихожанам Задней Салменижской выставки церкви Илии Пророка пришлось представить в консисторию письменное обязательство «удовольствоваться» священника и причт дополнительным содержанием в виде зерна и денег³³¹. Дела такого рода, повторяю, — исключение. Как говорилось выше, обеспечение духовенства Олонецкой епархии оставалось недостаточным как в XVIII в., так и позднее. Ниже этот вопрос будет рассмотрен подробнее. Отметим, что в целом епископ не проявлял принципиальности в решении этой проблемы.

Довольно редко в числе причин отказа фигурирует ссылка на церковные штаты. Прихожане и сами не стремились превысить законодательно утвержденные нормы и, значит, возложить на себя новое бремя. Мною обнаружен всего один пример. В 1796 г., как видно из указа консистории, епископ Олонецкий и Архангельский Вениамин отказал «от места» ялгубскому дьячку Петру Петрову, намеревавшемуся «поместиться» в Верховский приход, «понеже в сем приходе по числу ревизских душ <...>

³³⁰ РГИА, ф. 796, оп. 59, д. 265, л. 3; Там же, оп. 60, д. 203; Там же, оп. 61, д. 314, л. 2; Там же, д. 295, л. 3; Там же, д. 93, л. 4, об.; Там же, оп. 61, д. 300, л. 4; Там же, оп. 62, д. 243, л. 31, об.; ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 147, л. 6; Там же, д. 149, л. 3; Там же, д. 153, л. 4; НА РК, ф. 126, оп. 1, д. 1/2, л. 5; Там же, ф. 25, оп. 16, д. 4/13, л. 3; Там же, д. 4/2, л. 1; Там же, д. 4/9, л. 2; Там же, д. 4/1, л. 3; АСПБII, ф. 3, оп. 1, картон 32, д. 1, л. 30 и др.

³³¹ РГИА, ф. 796, оп. 60, д. 278, л. 1.

не подлежит быть двум клирам»³³². Наиболее распространенной причиной отказов стала недостаточная подготовка кандидатов. В 1775 г. епископ, как видно из резолюции, отказал в рукоположении сыну священника Тихону Иванову «за незнанием книгочтения, пения, катехизиса и понеже женат весьма не вовремя»³³³. В 1780 г. другой кандидат, сын пономаря Иван Степанов, как видно из его прошения в адрес Синода, предъявил в консистории «выбор», составленный прихожанами, но без объяснений был отправлен назад. Синод, к которому неудачливый претендент обратился с жалобой, поддержал епископа, ссылаясь, как видно из указа, на «неисправность» церковника в «чтении»³³⁴. Список подобных ситуаций можно продолжить³³⁵.

В XIX в. возможности административного контроля над формированием клира существенно расширились. Вероятно, реформа давалась нелегко. Крестьяне, построив на свои деньги церковь и обеспечив причт, считали себя вправе решать любые спорные религиозные вопросы по собственному усмотрению, без оглядки на консисторию и епископа³³⁶. Материалы делопроизводства не содержат сведений о том, насколько учитывались мнения крестьян и как преодолевалось сопротивление крестьянского мира при решении вопроса о заполнении церковных вакансий. Так, в 1861 г., обнаружив значительное число вакансий в приходских церквях епархии, олонецкий преосвященный обратился не к прихожанам, а к новгородскому коллеге, который немедленно откликнулся и оказал существенную кадровую помощь. Несколько выпускников Новгородской семинарии прибыли в епархию и были «определены на места, где в них была нужда»³³⁷.

Особенно внимательно отслеживалось состояние образованности претендентов на священнические и причетнические места. Так, по данным 1900 г., большая часть священников имела полное семинарское образование, а дьяконы и псаломщики, как правило, оканчивали духовное училище. Учитывая, что далеко не все выпускники семинарии выбирали

³³² АСПБИИ, ф. 3, оп. 1, картон 32, д. 1, л. 30.

³³³ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 4/13, л. 3.

³³⁴ РГИА, ф. 796, оп. 61, д. 300, л. 4.

³³⁵ ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 147, л. 4; РГИА, ф. 796, оп. 61, д. 93, л. 4, об.; НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 4/2, л. 1. (Во всех случаях указы консистории – по резолюциям епископа).

³³⁶ *Листова Т.И.* Религиозно-общественная жизнь: представления и практика, с. 736.

³³⁷ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 61, л. 27, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии).

духовную стезю, иногда, «в редких, впрочем, случаях», епископ рукополагал в священники и не имеющих семинарских дипломов претендентов³³⁸. Как говорилось в отчете о состоянии епархии за 1900 г., лица, имеющие неполное семинарское образование», получали священный сан за особые заслуги: «по вниманию к их прежней долготелней и беспорочной службе, благонадежности в нравственном отношении, замеченной способности к прохождению пастырского служения»³³⁹. В то же время, судя по отчетам благочинных, духовное начальство в начале XX в. считало важным делом подбор священников из числа выпускников семинарии и с недоверием относилось к тем, кто не имел полноценного богословского образования. Как говорилось в отчете благочинного 2-го округа Олонецкого уезда, «лица, получившие полное богословское образование, не могут не быть признаны достигшими достаточной степени умственного развития и духовного просвещения для достойного прохождения своих пастырских обязанностей». Однако «лица, вышедшие из низших классов духовно-учебных заведений, оставляют желать очень многого, чтобы образование их можно было признать удовлетворительным»³⁴⁰.

В начале XX в. порядок заполнения вакансий при приходских церквях был поставлен на новую, практическую почву. В 1906 г. епископ Мисаил распорядился, чтобы отныне все освобождающиеся в епархии священнические, дьяконские и псаломщицкие места «объявлялись по епархии вакантными на месяц для предоставления всем желающим занять то или другое свободное место». Объявления об имеющихся в епархии вакансиях следовало публиковать в прессе. Одновременно благочинные получили предписания заботиться о назначении «входящих священников», обязанных временно вести богослужения и исполнять требы до того момента, когда появятся желающие занять вакансию при приходской церкви³⁴¹. Тем не менее год спустя, в 1907 г., местные священники жаловались на возникающие при заполнении вакансий проблемы: «многие и желали бы занять место, но не знают о нем»³⁴². Принимаемые меры не всегда приносили желаемый

³³⁸ Там же, д. 1850, л. 27. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г.).

³³⁹ Там же, л. 28. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г.).

³⁴⁰ НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 9/96, л. 20, об. (Отчет благочинного 2-го округа Олонецкого уезда за 1902 г.).

³⁴¹ Постановления Олонецкой духовной консистории // ОЕВ. 1906. № 4. С. 147–150.

³⁴² XVI общепархиальный съезд духовенства Олонецкой епархии // Там же. 1907. № 13. С. 342.

эффект. Так, по данным 1914–1915 г., в епархии сохранялись 6 священнических, 2 дьяконские и 7 псаломщических вакансий³⁴³.

Вся совокупность имеющихся ставленнических дел XVIII–начала XX в. позволяет сделать вывод: возможности административного воздействия, как и при строительстве церквей, основывались на специфике взаимоотношений между епископом и белым духовенством. Священнослужитель мог исполнять «мирские требы» только после рукоположения. Обращает на себя внимание аргументация при отказах в «произведении» на должности в составе клира. Крайне редко встречается отказ из-за недостаточного обеспечения приходского духовенства. В основном страдают не прихожане, вынужденные в случае отказа гарантировать дополнительную землю или ругу, а представители духовного сословия. В течение всего изучаемого периода наиболее существенное давление «сверху» (со стороны консистории и Синода) и «снизу» (со стороны прихожан) испытывает духовенство. Свобода прихожан избирать клир и по собственному усмотрению назначать церковникам ругу и отводить землю не подвергалась существенной корректировке вплоть до отмены соответствующей статьи Духовного регламента на рубеже XVIII и XIX в. После этого заполнение вакансий оказалось в руках епархиального начальства. Его усилия оказались ненамного эффективнее, чем свободная деятельность крестьянского самоуправления.

Натиск на приходские свободы со стороны епископа вовсе не был единственным фактором, ограничивающим свободу прихожан в вопросах формирования клира. Не меньшее значение имели традиции, в течение веков сформировавшиеся в среде самого духовенства. П.В. Знаменский подчеркивает остроту проблемы: «борьба выборного порядка с наследственным перешла в XVIII в. в самом разгаре». При этом «поборники того и другого действовали еще со свежей страстностью и неуходившейся энергией, которая не допускала никаких уступок и благоразумных усилий уравновесить интересы сторон»³⁴⁴. Более унылая, однообразная картина повсеместного господства консервативного порядка наследования священно- и церковнослужительских мест открылась авторам коллективной монографии «Русское православие: веки истории». «Формально до конца XVIII в. за прихожанами оставалось право выбора священника, но фактически оно сводилось лишь к простому

³⁴³ Свободные места // ОЕВ. 1914. № 4. С. 76; 1915. № 20. С. 376.

³⁴⁴ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. С. 39.

оформлению перехода служительской должности от отца к сыну»³⁴⁵. Данные клировых ведомостей показывают, что традиция наследования священно- и церковнослужительских мест в Олонецкой епархии оставалась слабо развитой. За период с 1766 по 1799 г. «на место отца своего» произведены 9 из 55 священников, 1 из 18 дьяконов, 4 из 46 пономарей, 4 из 49 дьячков или в целом 18 из 168 священно- и церковнослужителей, о которых сохранились сведения³⁴⁶. Таким образом, традиция наследования не слишком глубоко укоренилась в Олонецкой епархии. Предстоит выяснить: противоречила ли она приходским свободам?

В новейших исследованиях проявляется здравая мысль о том, что наследование мест не стало посягательством на права прихожан, а наоборот, духовно сблизило пастырей и паству. «Формирование священнических династий, — пишет А.В. Камкин, — наследственная передача мест <...> сохраняли сходство жизненного круга крестьянина и сельского священника, создавали особые условия для пастырской практики»³⁴⁷. Противоречий между прихожанами и клиром в вопросах наследования мест, скорее всего, не возникало. Миряне сами старались избирать на должности тех кандидатов, которые были им хорошо известны. Так, прихожане церкви Николая Чудотворца Ялгубской выставки не приняли направленного в их приход епископом Олонецким и Каргопольским пономаря на том основании, что, как говорилось в прошении, «о состоянии произведенного пономаря Моисея Кузмина никак знать не можем, для того и принять его, тем более что произведен без всякого выбора, не желаем». Вторым аргументом стало наличие «достойных к исправлению пономарской должности священно- и церковнослужительских детей», выросших на глазах у прихожан³⁴⁸. Синод, которому крестьяне адресовали жалобу, передал дело на рассмотрение местного архиерея. Епископ перевел своего ставленника в другое место, согласившись с требованиями прихожан³⁴⁹. Сохранению наследственного порядка замещения вакансий при церквях способствовало то обстоятельство, что «приходские люди» стремились выяснить как репутацию самого претендента на должность в составе клира (этого требовал Духовный регламент),

³⁴⁵ Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 289.

³⁴⁶ НА РК, ф. 126, оп. 1, д. 1/3, л. 1–65.

³⁴⁷ Камкин А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в., с. 32.

³⁴⁸ РГИА, ф. 796, оп. 61, д. 314, л. 2.

³⁴⁹ Там же, л. 7.

так и прошлое его семейства. Например, отклоняя предлагаемую епископом кандидатуру, прихожане церкви Рождества Христова в 1781 г. указывали в прошении следующие «резоны»: «мы все его пономарем быть при нашей церкви не желали, да и не желаем, по той причине, что произведен он, Матфеев, в точную противность законов, а особливо Духовного регламента». Далее в прошении указывалось, что семейство епископского ставленника «по обращательству своему в крайне худых поступках находилось»³⁵⁰. Синод, как видно из указа, поддержал крестьян³⁵¹.

Наследственное владение церковным местом «шло вразрез с каноническими требованиями православия», поэтому церковные власти в России «долго боролись с этим». Но «жизненные обстоятельства оказывались чаще всего сильнее и заставляли церковные власти смотреть на нарушение закона сквозь пальцы»³⁵². Окончательно наследование мест запретили в ходе церковных реформ 1860–1870 гг.: в этот период были «отменены все наследственные, семейные притязания на служебные места в церкви»³⁵³. Но отныне этот порядок соблюдался тайком от центральной власти. Многие архиереи «из сочувствия к духовным лицам, которые после отставки оказались без средств к существованию, или из жалости к осиротевшим семьям продолжали признавать семейные претензии духовенства на наследование церковной должности»³⁵⁴. Современные исследователи отмечают подобные закономерности в порядке замещения вакансий при церквях во многих российских епархиях в течение всего XIX в. Так, исследователь прихода С.В. Кузнецов подчеркивает исключительную распространенность рассматриваемой традиции: «Практика наследственного замещения должностей распространялась на все церковные должности, включая просвирниц»³⁵⁵. Другой известный исследователь приходской жизни, А.Н. Розов, отмечает благотворное влияние этого феномена на жизнь прихода: наследование мест привело к «возникновению целых священнических династий, служивших в одном храме по сто и более лет»³⁵⁶.

³⁵⁰ РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 109, л. 3.

³⁵¹ Там же, л. 6.

³⁵² *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 100.

³⁵³ Там же. С. 106.

³⁵⁴ Там же. С. 107.

³⁵⁵ *Кузнецов С.В.* Православный приход в России в XIX в., с. 173.

³⁵⁶ *Розов А.Н.* Священник в духовной жизни русской деревни, с. 30.

Итак, традиция наследования священно- и церковнослужительских мест оставалась важным и стабильным элементом духовной жизни. Но и она не могла оказать существенного воздействия на права прихожан. Во-первых, преимущества наследника вовсе не освобождали кандидата на должность в составе клира от обращения к прихожанам за «выбором», а в дальнейшем — к епископу за рукоположением. Во-вторых, принцип наследования не противоречил мирским традициям, а скорее, дополнял их. В-третьих, количество наследников, занявших отцовские должности, в Олонецкой епархии оставалось незначительным. Но проявилась и обратная тенденция. Иногда крестьяне стремились подобрать священно- и церковнослужителей таким образом, чтобы все представители духовенства их прихода не являлись родственниками. Эта практика противоречила вполне понятному желанию крестьян знать биографию претендента на должность в составе клира их церкви, однако верующие могли предпочесть иметь дело не со сплоченными родственниками-церковниками, способными противопоставить себя крестьянскому «миру», а с представителями разных семейств. Поэтому «выбор», составленный в 1755 г. прихожанами церкви во имя Архистратига Михаила, нельзя признать редким примером (другое дело, что далеко не всегда прихожане высказывались столь же откровенно). Предлагая кандидата на пономарскую должность, крестьяне писали: «он человек доброй, порока и подозрения и прочих препятствующих в сей пономарский чин причин, и болезни за ним никакой, и также *родственников у него при той архистратига Михаила церкви из действительных священно- и церковнослужителей не имеется (курсив мой.* — М.П.)»³⁵⁷.

Вывод о стремлении крестьян подбирать клир приходской церкви таким образом, чтобы в его состав входили церковники, не являющиеся родственниками, подтверждается данными клировых ведомостей начала XIX в. В Олонецкой епархии численность «уроженцев тутошних» составила 81 человек из 137 священно- и церковнослужителей, о которых сохранились сведения. В их числе священников — 25, дьяконов — 9, пономарей — 22, дьячков — 13³⁵⁸. Итак, ни один из принципов подбора духовенства не возобладал. С одной стороны, ставка на «уроженцев тутошних» порой становилась невозможна из-за отсутствия священно- и церковнослужительских вакансий. С другой стороны, избрание «пришлецов» также смущало крестьян: приходилось доверяться малознакомым, еще вчера совсем посторонним людям.

³⁵⁷ РГИА, ф. 796, оп. 36, д. 314, л. 1.

³⁵⁸ НА РК, ф. 126, оп. 1, д. 1/3, л. 1–65, об.

Проблема «пришлецов» имеет и еще одну сторону. По имеющимся источникам, не прослеживается в полной мере существенный фактор, который ограничивал права прихожан на свободное избрание церковников. Речь идет о домах духовенства. По данным А.И. Копанева, в XVII в. «клир обеспечивался и жильем за счет волости»³⁵⁹. В XVIII в. проблеме жилья для клириков уделялось значительное внимание: изданы указы, предписывающие прихожанам строить дома для священно- и церковнослужителей за счет церковных сумм³⁶⁰. Эти распоряжения, вероятнее всего, исполнялись не слишком пунктуально; вопрос сохранял остроту в течение длительного времени. Так, пономарь Иван Михайлов жаловался в 1777 г. в консисторию, прося, как видно из челобитной, разрешения вернуться в отцовский приход: «за неимением *своево домишку* принужден был волочиться меж двор»³⁶¹. Другой пример более впечатляет: желая наказать священно- и церковнослужителей – участников Кижского восстания – епископ Олонецкий и Каргопольский, как видно из указа консистории, распорядился перевести их в другие приходы, где у последних не имелось жилья³⁶². Переезд оказывался настолько разорителен, что сам по себе становился суровым наказанием.

Законодательство XIX в. требовало от духовного начальства следить за тем, чтобы при появлении новых приходов в них возводились «и дома для жительства причта»³⁶³, которые в дальнейшем становились «неотъемлемой церковной собственностью»³⁶⁴. Олонецкая духовная консистория озаботилась этим вопросом в 1829 г. вскоре после своего воссоздания. В этом году епископ Игнатий обратился к местному духовенству с просьбой «без всякого впрочем настояния», суть которой заключалась в следующем: «не пожелает ли кто-нибудь из них дома свои записать церковными в роде пожертвования». В этом случае «по епархии в каждом месте будут дома церковные». В тех местах, «где таких пожертвований не окажется», предполагалось в церковные праздники обращаться к прихожанам «с предложением о выстройке домов», собирать деньги и иные пожертвования и обеспечивать духовенство жильем³⁶⁵.

³⁵⁹ Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в., с. 33.

³⁶⁰ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 5. №№ 3 171, 3 175; Там же. Т. 7. № 4 190; Там же. Т. 18. № 13 067.

³⁶¹ РГИА, ф. 796, оп. 60, д. 303, л. 1, об.

³⁶² Там же, оп. 52, д. 254, л. 36, об.

³⁶³ Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 167.

³⁶⁴ Там же. С. 168.

³⁶⁵ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 42/91, л. 1–3, об.

На обращение владыки откликнулся причт Кижского прихода. Местный священник заявил, что он «вознамерился пожертвовать собственный свой дом, стоящий около 1300 руб., с тем, чтоб мне и жене моей дозволено было до смерти нашей жить и иметь хозяйственное по нему распоряжение». В Великогубском приходе, сообщал священник, «прихожане изъявили желание в 1834 г. построить собственным своим иждивением дом для священника по плану, ими же учиненному». В других приходах инициатива также епископа нашла поддержку. Так, в Саунинском погосте, доносил священник Дмитрий Малинин, «при новостроящейся каменной церкви на счет Санкт-Петербургского купца Новикова, предположено им же выстроить дома для священнослужителей»³⁶⁶. В Пидмозерском приходе местный священник согласился передать в распоряжение консистории дом «со всеми службами: двором, гумном, погребом и банею». В ряде приходов, судя по тому же документу, «по нерасположению и бедности крестьян не предвидится никакой возможности завести для священнослужителей дома»³⁶⁷. К началу XX в. жилищную проблему духовенства в основном удалось решить. Во всяком случае, в описаниях приходов, как правило, присутствуют упоминания о том, что при церкви имеется дом для причта³⁶⁸. Это заметно облегчало назначение духовенства по решению консистории и заметно ослабляло традиции наследования мест.

Другим вариантом приходских традиций, способных, по мнению ряда исследователей, ограничить права прихожан свободно выбирать духовенство, оставалась в XVIII–начале XX в. передача мест в приданое. Так, П.В. Знаменский утверждает: «по причине бедности духовенства, по которой оно редко могло снабжать своих дочерей достаточным приданым, зачисление мест за духовными девицами считалось всегда удобным средством выдать их замуж. Это обстоятельство способствовало к сильному умножению наследных мест, зачисленных именно за наследницами, а не за наследниками»³⁶⁹. Сведения о передаче мест в приданое, сохранившиеся в архиве Олонецкой духовной консистории, довольно разноречивы и связаны исключительно с XVIII в. Из некоторых указов видно, что такая практика поддерживалась на официальном уровне. Так, в 1788 г.

³⁶⁶ Там же, л. 39.

³⁶⁷ Там же, л. 5, об.

³⁶⁸ Летопись церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая и во имя святого апостола Фомы, что в Брусенском приходе Олонецкой епархии Петрозаводского уезда // ОЕВ. 1906. № 7. С. 299.

³⁶⁹ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра, с. 133.

Олонецкая духовная консистория, как видно из ее указа, распорядилась в ответ на прошение дьяконской вдовы Марфы Дмитриевой «на праздное при означенной Николаевской церкви дьяконское место из действительных дьячков или пономарей достойна в мужа приискать, и по приискании, не вступя в брак, для свидетельства Его Преосвященству прислать»³⁷⁰. Причины уступчивости епископа, на мой взгляд, в специфике ситуации. Вдова указывала в прошении, что в случае несогласия архиерея ее ждет печальная участь «скитатца и по миру волочитца»³⁷¹. Владыка не всегда проявлял склонность баловать «духовных девиц». В 1788 г. в консисторию с прошением обратился дьячок Мегорского погоста Кодужской выставки, надеющийся получить разрешение «на место означенного отца ево во священника принять в зятя из дьячков или из дьяконов действительных». В резолюции епископ предписывал заполнить вакансию как можно скорее, избрав холостого или женатого претендента³⁷².

Но во всех случаях, вплоть до конца XVIII в., архиереи считали необходимым, чтобы в ставленническом деле присутствовал «выбор» от прихожан. О приоритете «мирских людей» в формировании клира свидетельствуют и случаи «уступки» священно- и церковнослужительских мест. Это явление не встречается в документах XIX—начала XX в., но в XVIII в. оно имело место. Как явствует из доношения консистории, в 1770 г. священник Петропавловской выставки Олонецкого уезда совместно «с причетники и с приходскими людьми» избрал на свое место зятя Сидора Андреева, «который живет с ним, священником, в одном доме, и он, священник, то священническое место ему уступает». Условия, которое при этом оговаривались, заключались в следующем: «когда во священника он, Сидор, произведен будет, то как ево, священника Алексеева, так и жену ево питомством (*продуктами питания*. — М.П.) , одеждою и прочими потребностями снабдевать». В этом же документе содержалось указание на то, что соответствующий договор между священником и его преемником заключен непосредственно в консистории³⁷³. Мною обнаружены и другие примеры подобного рода. Все они свидетельствуют о том, что «приходские люди» даже тогда, когда речь шла об «уступке» священнического места, не теряли своих прав.

Эволюция ставленнического делопроизводства в XVIII—начале XX в.
В XVIII в., вплоть до конца столетия, значение «выбора» оставалось стабильно высоким, он являлся неотъемлемой частью ставленниче-

³⁷⁰ РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 175, л. 1.

³⁷¹ Там же, л. 4.

³⁷² НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 6/1, л. 3.

³⁷³ РГИА, ф. 796, оп. 51, д. 106, л. 2.

ского делопроизводства. Поломать демократические основы заполнения церковных вакансий оказалось нелегко. Авторитетной законодательной базой для составителей «выборов» стал Духовный регламент. Но формулировки, изобретенные Феофаном Прокоповичем, не проникли в крестьянскую среду. Прихожане никогда не информировали Синод о том, является ли предлагаемый ими кандидат «любодейцем» или «бийцей». Они писали «выбор» исходя из собственных принципов. Сущность «выбора» двойственна: он включал в себя как мирские, так и собственно церковные черты. Приходское делопроизводство сближало священно- и церковнослужителей с выборными должностными лицами сельской общины. Формулировки большинства «выборов», выданных кандидатам на должности в составе клира, полностью соответствуют формулировкам «мирского» делопроизводства. Такой подход вполне объясним. «В древности, — пишет П.В. Знаменский, — вполне сформировался взгляд на членов приходского клира как на земских выборных людей»³⁷⁴. Приведем два характерных примера. В 1754 г. прихожане церкви Богоявления Господня Оштинского погоста составили следующий «выбор»: «<...> мы, низайшие, с общего в нас согласия, на вышеозначенное дячечское место выбрали тое ж церкви попова сына Савву Иванова, понеже он человек доброго состояния, в книжном чтении искусен, в подушный платеж не положен»³⁷⁵. В 1795 г. аналогичный документ в адрес епископа Архангельского и Олонецкого Вениамина составлен в Лычноостровском приходе Петрозаводского уезда прихожанами церкви Петра и Павла. В «выборе» говорилось: «мы, нижеподписавшиеся, с общего в нас согласия, ко упоминаемой нашей приходской церкви на праздное пономарское место в пономари избрали прописанного умершего пономаря Адриана Павлова сына ево Ефима, который жития и поведения доброго, и никакой за ним к непроизведению причины не имеется, и к церковной службе подвижен, при означенной церкви пономарем быть желает»³⁷⁶.

Приведем для сравнения несколько «выборов» «мирских» должностных лиц. Крестьяне Олонецкого погоста избрали в 1755 г. «для исправления во оном погосте в разных местах мостов» крестьянина Данилу Ефимова. В «выборе» «мирские люди» указывали: «наш вновь выбранный крестьянин Ефимов — человек доброй, прожиточной и неподозрительной, и оное дело исправить может, к чему и подписуемся»³⁷⁷. Аналогичных характеристик «удостоили» в 1760 г. крестьяне

³⁷⁴ Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси, с. 48.

³⁷⁵ РГИА, ф. 796, оп. 36, д. 206, л. 19.

³⁷⁶ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 4/9, л. 2.

³⁷⁷ РГАДА, ф. 433, оп. 1, д. 207, л. 2.

Лоянской волости Пиркинского погоста вновь выбранного старосту Родиона Петрова. В прошении, адресованном архимандриту Александро-Свирского монастыря, крестьяне писали: «человек он доброй и оную должность исправлять может»³⁷⁸.

В течение второй половины XVIII—начала XX в. в ставленническом делопроизводстве появляются новые элементы, связанные с требованиями духовных консисторий. Мною выявлены четыре этапа этого процесса. Каждый из них обусловлен происходящим в России радикальным изменением церковного административно-территориального деления. Ведь консистории не могли руководствоваться только Духовным регламентом и Уставом консисторий, в котором содержались лишь краткие указания о порядке избрания и рукоположения духовенства, и подходили к кандидатам на священно- и церковнослужительские должности со своими собственными мерками, выработанными на местах.

Первый период связан с деятельностью новгородских духовных властей. Олонецкая епархия до 1764 г. входила в состав Новгородской и Великолуцкой. Новгородская духовная консистория требовала указывать в «выборах» время крещения будущего церковника «в православную веру», семейное положение (требовалось, чтобы кандидат являлся «первоженцем на девке»). Прихожане сообщали консистории о том, имеет ли он «сомнение в содержании православной веры», бывает ли на исповеди. Надлежало выяснить, где ставленник находился «от рождения своего до возраста», есть ли в приходе «раскольнические учителя или потаенные раскольники», гарантировано ли обеспечение клира, не положен ли будущий церковник в подушный оклад³⁷⁹. Документ, в котором оговаривались эти требования, мною не обнаружен, но все «выборы» этого периода однотипны и легко отличимы. Остается неясным: получали ли прихожане соответствующие указания или узнавали о требованиях консистории из собственного горького опыта. Последний из перечисленных критериев (запись в подушный оклад) наиболее специфичен для первой половины XVIII в., когда запись выходцев из податных сословий в духовенство сохранялась. Дел такого рода немного. Как пишет Б.Н. Миронов, «вступить в ряды духовенства из крестьянства и посадских было непросто». Во-первых, грамотность и знание церковных обрядов не были распространены за пределами духовного сословия. Во-вторых, приходские общины «не желали выбирать духовных лиц из своей среды», поскольку в условиях действия круговой поруки

³⁷⁸ АСПБИИ, ф. 3, оп. 1, картон 26, д. 2, л. 3.

³⁷⁹ См. образцы «выборов»: РГИА, ф. 796, оп. 35, д. 402, л. 4; Там же, оп. 36, д. 206, 314, 455.

за них приходилось платить налоги³⁸⁰. По данным протоколов Олонецкой воеводской канцелярии, в 1754 г. выбранный «в попа из крестьян» прихожанами церкви Николая Чудотворца Согинской выставки Федор Гаврилов «подал челобитье об увольнении ево за обязательством мирских людей от платежа подушных денег». Олонецкая воеводская канцелярия направила указ «соцкому» Важенского погоста и велела «собрать всех мирских людей, коими изследовать»: в самом ли деле Гаврилов «выбран в попа», и будут ли крестьяне вносить за него деньги до следующей ревизии³⁸¹.

Имеющиеся в моем распоряжении источники не позволяют выяснить, насколько типичен этот случай, как изменялся «выбор», если речь в нем шла не о представителе духовного сословия, а о крестьянине. Важно заметить, что сам факт избрания на должность кандидата, не являющегося церковником, косвенно свидетельствует о нехватке священно- и церковнослужителей в Олонецкой епархии. Во-первых, избрание крестьянина и, значит, потеря налогоплательщика, при существовании круговой поруки становилась накладным для «мира» явлением. Во-вторых, в соответствии с законодательством переход крестьянина в духовное сословие в этот период разрешался только при отсутствии конкурентов-церковников³⁸².

На втором этапе, после 1764 г. — времени образования Олонецкой епархии — формуляр «выборов» существенно упрощается. Прихожане в произвольной форме указывают достоинства кандидата на должность в составе клира и заявляют епископу о готовности награждать будущего церковника ругой. Причины такой простоты сложны и разнообразны. Во-первых, в Олонецкой духовной консистории отсутствовал многолетний опыт ведения ставленнических дел. Такой опыт, напротив, имелся в консисториях Новгородской или Архангельской. Во-вторых, ослабление контроля связано с разнообразными «неустройствами» в деятельности органов церковного управления в Олонецкой епархии. Это, прежде всего, частая смена епископов³⁸³. Косвенно о беспорядке в управлении свидетельствует отсутствие нормального архива в

³⁸⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.). Т. 1, с. 99.

³⁸¹ РГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 376, л. 199.

³⁸² ПСЗ-1. Т. 7. № 455. (Указ Синода).

³⁸³ Амвросий. История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. М., 1807. Ч. 1. С. 198, 325, 367, 469.

консистории. Документы валялись, как видно из доношения местного канцеляриста обер-прокурору Синода, прямо на полу³⁸⁴.

Единственным новшеством этого периода, помимо упразднения существовавшего прежде порядка, стала обязательность подписей членов клира того прихода, в который направлялся ставленник. Прежде в «выборе» имелись только «руки» (подписи) прихожан. Отныне все «выборы» содержат такие подписи, а отсутствие священно- и церковнослужительских автографов на документах, составленных «приходскими людьми», епископ считал веским основанием для отказа. Так, клир Богоявленской церкви Оштинского погоста «репортовал» в Синод: «мы к данному от приходских людей оной церкви пономарю Гавриилу Нестерову на праздное дьяческое место выбору в силу указов рук не приложили <...> выбора у него совсем никакого не видали, который якобы ему от приходских людей был дан, никогда нам не показывал <...> подлинно упоминаемый пономарь сыну своему выбор збирал и к тому выбору их, мирских людей, подписаться просил». Сын церковника-обманщика, как видно из указа консистории, лишился места³⁸⁵. Забегая вперед, отметим, что такой же порядок сохранялся и в конце XVIII в. Например, в 1795 г. епископ Олонецкий и Архангельский, как видно из указа консистории, распорядился отказать в просьбе священнику Григорию Лаврентьеву «с приходскими людьми», которые просили о рукоположении «во дьячка» Алексея Григорьева. Причиной послужило отсутствие подписей второго священника и прочих причетников³⁸⁶. Нетрудно догадаться, что это нововведение существенно ограничивало права прихожан. Отныне священно- и церковнослужители получали равные с ними полномочия и могли эффективно контролировать назначение клириков. Важно также отметить, что такой порядок противоречил Духовному регламенту и вообще являлся нарушением закона.

Третий этап начинается после объединения Олонецкой и Архангельской епархий. Ставленническое делопроизводство претерпевает в этот период существенные изменения. Получив от прихожан «выбор», консистория составляла «справку», в которой указывалось положение просителя на момент составления ревизских сказок. Для этой же цели использовались данные последнего «разбора» духовенства. Духовник, т.е. священник, в обязанности которого входило исполнение священно- и церковнослужителей, отныне обязывался

³⁸⁴ РГИА, ф. 797, оп. 1, д. 605, л. 2.

³⁸⁵ Там же, ф. 796, оп. 62, д. 192, л. 2, 6.

³⁸⁶ НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 1/6, л. 7.

указывать в специальной «рописи», что будущий клирик исправно посещал «исповедника». В архиве консистории разыскивались негативные сведения, «компромат» — «дела и подозрения», препятствующие «к производству». Привлекались сведения о штатах духовенства в приходе с указанием числа наличных церковников, приходских дворов, а также размеров пахотной земли, сенокоса, руги, предназначенных духовенству. Наконец, кандидат на должность в составе клира расписывался в том, что ему известен опубликованный в 1767 г. указ «О неподавании помещичьим людям и крестьянам челобитен», поскольку священники, в том числе и олонечкие, были неоднократно замечены в пособничестве крестьянам в составлении жалоб.

Этим значение «выбора» понижалось: он просто тонул в огромном ворохе бумаг. И все же этот важный приходской документ сохранял свое значение до конца XVIII столетия. Доказательством, помимо приведенных выше резолюций епископа, могут послужить дела о «ложных выборах». Проблема «ложносочиненного выбора» не ограничивается простой подделкой мирских документов. Фактически речь шла о попытках духовенства обойти «мирские» порядки и добиться права единолично решать вопросы, связанные с формированием клира. Механизм фальсификаций несложен. Описания подобного рода деяний проникали в делопроизводство. Так, крестьяне Верхогурьевской волости Каргопольского уезда доносили в 1795 г. епископу: «пономарь Михайла Иванов, сообщась с родственники своими, а иных уважа угощением, взявши выбор только от них, а не от всево общества, предпринял намерение просить Вашего Преосвященства посвящения во дьякона»³⁸⁷. Следствием крестьянского прошения, как видно из резолюции епископа, стал отказ пономарю³⁸⁸. Подделка «выбора» оставалась несложным делом. За всех «приходских людей» расписывались немногие грамотные крестьяне. Следовательно, выяснить, на самом ли деле подписи поставлены «по прошению» тех, чьи имена значились в конце «выбора», или этот документ «фальшивосочиненный», оказывалось непростым делом. Обнаружение подделок объясняется тем, что крестьянам не было безразлично, кто именно займет ту или иную должность в составе клира их церкви, а епископ считался с правами прихожан и старался блонти их интересы. Все известные случаи подделки «выбора» имеют один исход: жалоба крестьян и резкая резолюция епископа, устраняющая грубую ошибку, — направление в приход ставленника без учета мнений прихожан.

³⁸⁷ Там же, ф. 25, оп. 16, д. 4/3, л. 6.

³⁸⁸ Там же, л. 9.

Так, в 1795 г. крестьяне Горского прихода обратились к епископу с просьбой «от определения по фальшивосочиненному выбору Задне-Никифоровской пустыни священника Петра Иосифова отставить, а произвести в их Горский приход во священника одного прихода пономаря Петра Гусева, избранного всеми единогласно»³⁸⁹. Епископ, как видно из резолюции, решил дело в пользу крестьян³⁹⁰.

Четвертый *период* начинается в 1799 г. и связан с отменой приходских выборов духовенства. Документы, подтверждающие факт избрания, полностью исчезают. Решающее слово получила духовная консистория, которая всецело руководствовалась данными собственного архива и могла не обращать никакого внимания на волю прихожан. По законам, определяющим рукоположение духовенства, решающую роль здесь играл епархиальный архиерей, которому Устав духовных консисторий предписывал обстоятельно «удостовериться в достоинстве ищущего посвящения». Сбор сведений о претендентах на места в составе клира возлагался на духовную консисторию. Она должна была располагать данными о каждом ищущем места кандидате, а также о тех проблемах, которые возникали при рукоположении (размеры жалованья, наличие дома для причта, число старообрядцев в приходе). Лишь добавление новых штатных единиц в состав «наличного причта» следовало согласовывать с прихожанами³⁹¹. Консистории предписывалось всегда иметь список вакансий при церквях, «который должен быть открыт для кандидатов»³⁹². В материалах делопроизводства этого периода крайне редко встречаются упоминания о том, что епископы и духовные консистории учитывали мнение прихожан при заполнении церковных вакансий. Так, в 1814 г. Новгородская духовная консистория, в чьем ведении краткое время находилась значительная часть территории упраздненной Олонецкой епархии, согласилась с настойчивыми просьбами прихожан Предтеченской церкви города Каргополя и выдала указ о переводе на священническую должность тому кандидату, который оказался угоден прихожанам. В журнале консистории прямо указывалось на инициативу «снизу»: «во уважение просьбы церковного старосты и приходских людей»³⁹³.

Итак, мы убедились, что эволюция ставленнического делопроизводства привела к расширению прав епископа, консистории и клира.

³⁸⁹ ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 153, л. 6, об. (Прошение прихожан).

³⁹⁰ Там же, л. 11.

³⁹¹ Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство, с. 17–18.

³⁹² Там же, с. 18.

³⁹³ НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 24/26, л. 9 (Из журнала Новгородской духовной консистории).

Но за прихожанами до конца XVIII в. оставалось решающее слово. Тем более красноречива статистика заполнения вакансий при церквях Олонецкой епархии. По данным «разбора» церковников, проведенного в Карелии, как и по всей России, в 1755 г. количество вакантных мест при церквях составило 170, в том числе «поповских» — 32, дьяконских — 22, дьячковских — 56, пономарских — 60. Из 119 церквей только в 4 имелся полный (без вакансий) штат духовенства, в то же время на территории епархии находилось 11 церквей, в которых отсутствовали три или более священно- и церковнослужителя³⁹⁴.

Положение ненамного улучшилось в 1770-е гг. По данным ежегодно присылаемых в Синод ведомостей, количество «праздных» церквей в Олонецкой епархии составляло: в 1774 г. — 26, в 1775 — 32, в 1776 г. — 37, в 1779 — 44³⁹⁵. Значение термина «праздная церковь» остается неясным. Н.Д. Зольникова полагает, что в «праздной церкви» отсутствовало духовенство и не велось богослужение³⁹⁶. Данные «разбора» церковников показывают, что церквей, в которых полностью отсутствовало духовенство, оставалось немного уже в 1750-х гг. Чаще всего упоминаются церкви, в приходе которых штат духовенства не удалось полностью укомплектовать. Они, скорее всего, и считались «праздными». Едва ли все меры, принятые в течение двух десятилетий, далеко не самых бурных в истории Карелии, привели лишь к значительному росту числа священно- и церковнослужительских вакансий.

Сложившееся в 1780-х гг. положение отражено в специальной ведомости о незанятых священнических местах, составленной в 1788 г. в Олонецкой духовной консистории. Всего обнаружилось 9 вакансий. В частности, в Петрозаводском уезде оставались свободными места при трех церквях: два с 1779 г. и одно с 1783 г. В Повенецком уезде отсутствовали священники при двух церквях: с 1786 г. в одной и с 1777-го в другой. В Пудожском уезде полноценное богослужение не велось в трех церквях начиная с 1771-го, 1783 г. и «с давних лет»³⁹⁷. Во всех случаях архиерей ссылался на недостаточное усердие прихожан в вопросах формирования клира: «а на место ево от прихожан никто во священника поныне не избран, и из саможелающих никто не явился»³⁹⁸.

В целом можно утверждать, что вакансии при церквях заполнялись довольно быстро без ощутимого давления на прихожан со стороны

³⁹⁴ РГАДА, ф. 547, оп. 1, д. 547, л. 2—40.

³⁹⁵ РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 15. л. 5.

³⁹⁶ Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в., с. 75.

³⁹⁷ ГААО, ф. 1367, оп. 2, д. 844, л. 12—18, об.

³⁹⁸ Там же.

епископа. При этом, анализируя документы, необходимо учитывать, что понятия епископа и прихожан о вакантном месте при церкви могли не совпадать. Епископ считал место незанятым в том случае, если он не «произвел» никого в данный приход. Прихожане же вполне допускали, что в церкви могут служить и такие «причетники», которые не только не имеют «ставленной грамоты» от епископа, но и заведомо не могут ее получить. Так, сельский староста Рыборецкой волости Петрозаводского уезда, составляя в 1799 г. список священно- и церковнослужителей, простодушно включил в него пономарского сына Макара Евсеева, «неопределенного, который исполняет пономарскую сию должность»³⁹⁹. Длинный список ставленнических дел показывает, что прихожане старались иметь в составе клира вполне законных, утвержденных духовной властью священно- и церковнослужителей. Но приведенный выше пример, отнюдь не единственный, ставит исследователя в непростое положение. Ясно, что если крестьяне допускали к священнослужению тех церковников, которых рукоположил епископ, то отныне они переставали искать кандидатов на должность в клир своего прихода. Образовывалась вакансия, которая прослеживается по ведомостям, но которая, с точки зрения крестьян, не существовала.

Итак, ставленническое делопроизводство в течение рассматриваемого периода претерпело изменения. Его эволюция не случайна. Она связана с попыткой церковных властей смягчить категоричность требований Духовного регламента, который, как неоднократно подчеркивалось выше, предоставлял прихожанам значительные права. Но не следует преувеличивать эту тенденцию. Епископ подчеркивал, что за прихожанами остается решающее слово. Соответственно «выбор» оставался наиболее значимой частью комплекса документов ставленнического делопроизводства. Цель нововведений заключалась в том, чтобы не допустить грубых нарушений церковного законодательства: превышения норм, определенных штатами, «производства» священно- и церковнослужителей, не достигших «указных» лет, и пр. Постоянно изменяющиеся «выборы» сохраняли генетически обусловленное сходство со своими двойниками — «выборами» «мирскими».

Начало XIX в. характеризуется предельным упрощением ставленнических дел. Отныне духовная консистория освободилась от обязанности вести трудные и непредсказуемые переговоры с прихожанами о кандидатурах тех или иных священно- и церковнослужителей и могла

³⁹⁹ НА РК, ф. 60, оп. 3, д. 1/2, л. 32.

действовать по собственному усмотрению. Последний известный мне документ, содержащий решение прихожан, под названием «одобрение» составлен в мае 1802 г., вскоре после отмены выборов духовенства по всей России. Вероятно, прихожане по инерции продолжали пытаться участвовать в избрании духовенства, хотя по закону составленный ими документ не имел силы. Крестьяне Ухотского прихода сообщали консистории, что на место больного дьячка «с общего согласия избрали его дьячкова сына Григория Егорова, о котором свидетельствуем, что он состояния доброго, не пьяница, в домостроительстве не ленивый». Верующие просили епископа уволить престарелого дьячка, а его сына «действительным дьячком произвести»⁴⁰⁰, что и было исполнено.

После этого исключительного в своем роде документа ситуация резко меняется. Примеры ставленнических дел этого периода сохранились в значительном количестве. Они показывают, что консистория приняла на себя основной груз ответственности за подбор церковников, а прихожане окончательно отошли на задний план: к их мнению, по крайней мере, официально, более не прислушивались. Так, в 1847 г. пономарь Сямозерского погоста Иван Попов обратился к епископу Венедикту с просьбой определить на место умершего отца, священника Ундозерского прихода, «кого-либо из окончивших курс в минувшем учебном году со взятием в замужество сестры моей Евдокии»⁴⁰¹. О вакансии узнал священник Казанской пустыни Петр Ильинский. Он жаловался епископу на бедность и отсутствие доходов как от земли, так и от прихожан: «лета мои уходят и силы слабеют, надежды никакой к пропитанию и поддержанию себя и семейства своего не предвижу». Решение проблемы иерей видел в перемещении его на более доходное место.

Духовное начальство не вняло просьбам обоих церковников. На место ундозерского священника оно определило дьякона Лекшмозерского погоста Василия Рождественского. Его вызвали в консисторию и расспросили о некоторых интересующих начальство подробностях его жизни. Как оказалось, претендент на должность священника не записан в подушный оклад, обучался необходимым для богослужения наукам у своего отца, а затем в Каргопольском духовном училище, не подвержен падучей болезням и «душевной скорби» (психическому заболеванию), в случае рукоположения в Ундозерский приход «сим доволен будет и других мест без особенного дозволения начальства сам

⁴⁰⁰ Там же, ф. 25, оп. 16, д. 11/14, л. 1 («Одобрение» от прихожан).

⁴⁰¹ Там же, оп. 1, д. 27/18, л. 1 (Прошение пономаря Ивана Попова).

собою приискивать и тем наносить утруждения не будет». Будущий священник обязывался «должность исправлять прилежно, тщательно, жить честно, трезво», «платье и обувь носить будет приличное духовному сану, а не светское». Образовательный уровень претендента на должность оказался достаточно высоким: «катехизис, таинства знает, по нотам читать и петь умеет, поучения прихожанам читать и их поучать станет». Наконец, будущий священник обязывался не участвовать в крестьянских волнениях, следить за соблюдением требований закона при заключении браков, доносить о появлении в его приходе «таящихся» старообрядцев⁴⁰².

Далее консистория составила «справку», содержащую подробные сведения о приходе, в который предполагалось направить новоявленного священника. Прежде всего это данные о приходском храме. Как оказалось, местная церковь построена в 1668 г. «тщанием прихожан», «крепкая, кроме крыши», «колокольни нет и колокола повешены на крыльце», «утварью достаточна, а книг мало». К церкви приписаны две часовни, обе построены «неизвестно когда». В составе причта по штату должны находиться один священник и дьячок. Такое состояние прихода вполне позволяло рукоположить Василия Рождественского. Как говорилось далее в ставленническом деле, «правлящему должность благочинного» священнику Кенского монастыря консистория отправила указ: «ввести новопроизведенного в должность по надлежащему и распорядиться о сдаче и принятии церковного имущества и сумм по описям и документам»⁴⁰³. Сходный порядок ставленнического делопроизводства сохранялся на протяжении всего XIX—начала XX в.

Материалы XIX в. показывают, что конфликты духовенства и прихожан, как и в предшествующее столетие, приводили к отстранению неугодных прихожанам священников. Так, в 1840-е гг. консистории пришлось столкнуться с непростой ситуацией в Волосовском приходе Каргопольского уезда. Значительная часть прихожан поставила свои подписи под прошением, обличающим местного священника в «излишних сборах» с прихожан, вымогательствах при исполнении треб и других предосудительных проступках⁴⁰⁴. Епископ незамедлительно, до начала следствия, принял меры. Олонецкая консистория по резолюции преосвященного запретила волосовскому иерею священно-

⁴⁰² НА РК, ф. 60, оп. 3, д. 1/2, л. 14 (Протокол, составленный в Олонецкой духовной консистории).

⁴⁰³ Там же, л. 26 (Указ Олонецкой духовной консистории).

⁴⁰⁴ Там же, оп. 7, д. 47/16, л. 1–3.

служение и ношение рясы и поручила каргопольскому духовному правлению немедленно назначить «благонадежного и неупустительного входящего священника из заштатных или действительных»⁴⁰⁵. Началось следствие с опросом десятков местных прихожан – свидетелей указанных в прошении событий, а также очные ставки между ними и священником. Продолжавшееся в течение года следствие довело священника до крайнего разорения, но решить вопрос о возвращении его на место служения не удалось⁴⁰⁶.

Некоторое количество вакантных мест сохранялось в Олонецкой епархии на протяжении всего изучаемого периода, и начало XX в. вовсе не является исключением. Так, по данным за 1912 г., вакантными оставались священнические места в Вегорукском, Чаженском, Воллинском, Лексинском, Сяндемском, Замошском приходах, дьяческие – в Ребольском, Ошевенском и Плесском⁴⁰⁷. Решение вопроса административным путем явно не стало панацеей. В такой обстановке в начале XX в. Олонецкой духовной консистории довелось определенно высказаться по ставшему вновь весьма актуальным вопросу о выборах духовенства. Оказалось, что бремя власти в этом вопросе стало для нее слишком тяжким, а эффективность мер, принимаемых для заполнения вакансий при церквях, подвергалась сомнению. В 1906 г. опубликован Отзыв Олонецкой духовной консистории, являющийся ответом на телеграмму митрополита Петербургского и Ладожского Антония. В Отзыве, в частности, говорилось, что «приходской же общине может быть предоставлен и выбор священника для себя из лиц с соответствующими богословскими познаниями, проверенными через экзамен в специальной богословской школе, если они не будут иметь аттестата о прохождении курса последней». При затруднениях «орган епархиального управления указывает на таковых, предоставляя общине полную возможность знать своего будущего пастыря и считать его своим избранныком»⁴⁰⁸.

Длительный путь эволюции, пройденный приходом в XVIII–начале XX в. особенно отчетливо прослеживается при изучении ставленнического делопроизводства. Необузданные страсти, борьба вокруг заполнения вакансий постепенно уступали место рациональному подбору кандидатов на должности. В этом процессе

⁴⁰⁵ Там же, л. 4 (Из журнала Олонецкой духовной консистории).

⁴⁰⁶ Там же, л. 142 (Прошение священника).

⁴⁰⁷ Свободные места // ОЕВ. 1912. № 1. С. 3.

⁴⁰⁸ Отзыв Олонецкой духовной консистории // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. Ч. 3. С. 208.

основную роль играли образованность, «благоповедение», здоровье будущего церковника, а не умение любыми способами угодить потенциальным прихожанам. Тем не менее возможности прихожан влиять на поступки церковника сохранялись в полной мере. Эти возможности существовали благодаря консервативным, сохранившимся в почти неизменном виде со средневековья способам обеспечения духовенства.

§ 3. Обеспечение белого духовенства: закон и традиция

Внимательный анализ законодательства позволяет утверждать, что вершители судеб России во все времена не слишком отягощали себя заботами о благосостоянии священно- и церковнослужителей. Автор Духовного регламента ограничился лишь кратким упоминанием о проблемах, связанных с обеспечением клириков. От прихожан требовалось представить в консисторию сведения о количестве руги или земли, предназначенных церковникам, «за руками прихожан и за рукою ставленника, что он хошет быть доволен руги оныя или земли»⁴⁰⁹. В то же время нельзя сказать, что нужды белого духовенства остались вовсе проигнорированными. В XIX в. на этот вопрос обратили более пристальное внимание. Так, Устав духовных консисторий предписывал церковному начальству следить за тем, «чтобы священнослужители и причетники имели все способы содержания, какие для них определены законами, и пользовались оными так, как установлено»⁴¹⁰. Поиски более богатых приходов, предпринимаемые некоторыми священниками, не находили поддержки у духовного начальства. Так, в 1862 г. прошение священника Ильи Ильинского с просьбой перевести его из «беднейшего прихода Гимольского в другой получше приход» осталось без внимания консистории⁴¹¹. В каждом приходе имелись свои собственные способы обеспечения духовенства, которые в сочетании с древних времен были призваны решить материальные проблемы клира.

Земельные наделы стали наиболее стабильным источником доходов клириков. Хаотичное наделение церковников землей, существовавшее по воле прихожан на протяжении столетий, постепенно начиная с XVII в. заменялось твердой, рациональной нормой

⁴⁰⁹ Духовный регламент, с. 94.

⁴¹⁰ Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство, с. 30.

⁴¹¹ НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 39/445, л. 2 (Прошение священника с резолюцией епископа).